

1

Слова не клеились.

Даже в самой этой фразе — «слова не клеились» — было что-то неправильное, но Уля никак не могла понять, что именно. Ощущала только каким-то шестым чувством, что так не говорят.

Не тем шестым чувством, которое позволяло видеть мертвого Брюса Уиллиса, как в старом фильме, а другим, из-за которого иногда решаешь дождаться следующего автобуса, отказаться от выгодного предложения или свернуть направо, хотя всю жизнь ходил другой дорогой. Уля не знала наверняка, избегала ли она таким образом каких-то ужасных событий, но предпочитала прислушиваться к своему чутью.

В то утро, когда ей предложили написать эту треклятую статью, ей бы тоже не помешал какой-нибудь сигнал или

предчувствие, потому что слова не клеились, а дедлайн приближался. Ей стоило бы засесть за текст прямо сейчас, а не топтаться у окна с кружкой — белой, в тон рубашке и страницам, на которых все не желала появляться статья, — и думать о неклеющихся словах. Как же все-таки правильно?

Уля подняла взгляд. В недавно установленных пластиковых окнах виднелась стройка и отражалась сама Уля.

Уля была обычной — невысокой, с каштановыми волосами и еле заметными веснушками. Стройка тоже была самой обычной и грозила затянуться — город заказал у какого-то частного целый офисный квартал, но к сроку тот справился только с тремя зданиями, в одном из которых Уля сейчас и работала. Если бы не это обстоятельство, она могла бы написать об этом частнике две тысячи не особо лестных слов, а то и все пять — затеять настоящее журналистское расследование. Но вздумай Уля это сделать, ее тут же турнут, и тогда придется возвращаться на работу в офис местного телеканала. А она не была уверена, что сможет посмотреть в глаза тамошнему звуковику или снова писать текст для передачи о добром утре. Будто в рабочих утрах целевой аудитории есть хоть что-то доброе. Будто есть что-то доброе в том звуковике.

Уля тоже относилась к аудитории утренних телепередач и выглядела сегодня совершенно не по-доброму. Увидь ее сейчас Валентина Петровна, главный бухгалтер, тут же выговорила бы и за пятно на воротнике, и за беспорядок на голове, и с особенным удовольствием — за лодочки. Эти несчастные лодочки спасали Улину спину, но не ее терпение: Валентина Петровна считала, что женщина

должна всегда выглядеть на все сто, не уточняя даже, процентов, ватт или тысяч. Вдруг встретишь в рабочей столовке будущего мужа? («Или не мужа, мы ведь в двадцать первом веке живем, Ульяна, в самом деле».) Но даже если нет, нужно ведь показывать, что ты на себя не наплевала.

Самое страшное было в том, что иногда Уле казалось: Валентина Петровна права. В минуты слабости она действительно задумывалась, а не плюнула ли на себя, сделав ставку на комфорт, и не лучше ли немного потерпеть, чтобы за спиной перестали шушукаться? Улю не волновала вероятность встретить в столовой свою судьбу — в отличие от чужих пересудов. Будущий партнер понял бы, что рассекать по офису, где большую часть времени сидишь, удобнее на плоской подошве, помаду легко стереть, задумавшись над абзацем и проведя рукой по лицу, а за кофейное пятно спасибо метро. Утреннюю толкучку контролировать ведь невозможно.

Она так погрузилась в мысли, что не сразу заметила открытые двери. Лифты в этих новеньких зданиях были совершенно бесшумные, и Уля частенько упускала шанс заскочить внутрь, потому что считала ворон. И ладно бы каких-нибудь важных, которые помогли бы ей со статьей, так нет же — очередные размышления о каблуках и чужом мнении. Как будто ей больше нечем заняться.

Уля оторвала взгляд от пустой кружки, из-за которой и вышла из кабинета — его она делила с четырьмя стажерами, — и заметила бесшумно закрывающиеся двери в оконном отражении. Резко развернулась и успела выставить вперед руку, чтобы створки легонько сомкнулись по обоим сторонам от запястья и снова разъехались.

Кофемашина, с которой Уля ладила лучше остальных, находилась на первом этаже. Другим сотрудникам везло больше: почти в каждом офисе стояла такая, и можно было беспрепятственно налить себе кружечку, даже не открывая дверь. Но Уля сидела в клетушке новичков, где даже кулер с водой был снаружи. Заходить в чужое рабочее пространство так, словно ей там самое место, Уля еще не научилась, и потому приходилось импровизировать. С другой стороны, ей даже нравились эти маленькие путешествия вниз, к лучшей жизни. Почти как хоббит, туда и обратно, только с менее благородной целью и без помощников. Зато ростом Уля подходила.

Она шагнула вперед, и в нее со всего маху кто-то врезался. Кто-то еще более рассеянный, чем она, раз чуть не проехал свой этаж. Второе столкновение за день, если считать метро, надо же. Уля успела только поймать выбитую из рук кружку и услышать сдавленное «Простите!». Рассмотреть незнакомца толком не получилось: вроде бы копна темных волос, смуглая кожа и глаза раскосые? Арман из кадров? А он-то куда так торопится?

Уля решила, что обязательно отомстит ему — после дедайна, — и зашла внутрь. Что он там постоянно брал на обеденных перерывах? Расстегаи с творогом? Сама Уля их не любила, но ради мести готова была выхватить последний прямо у него из-под носа.

Лифт еще немного постоял, словно тоже задумался о чем-то своем, а потом бесшумно закрыл двери и отправился вниз. Уля поводила затекшими плечами, подняла взгляд к зеркальному потолку, разрисованному прозрачными белыми ветвями, и вздохнула. Зеркальная Уля вздохнула

в ответ. Ну да что еще от нее ожидать? У нее тоже дедлайн, да еще и писать приходится задом наперед... не позавидуешь. На ее месте Уля попыталась бы поменяться местами с самой собой, чтобы хоть как-то облегчить себе жизнь. Хотя привычка — дело трудное, за два дня ни за что не переучишься писать другой рукой. Наверное.

Уля покачала головой. Вот из-за такого разброда мыслей она и сталкивалась с дедлайнами так, словно они случайными драконами появлялись на ее пути, а не присылали заранее герольда, который долго, до хрипоты возвещал об их скором прибытии. Делало ли это Улю рыцарем, ее черную шариковую ручку с погрызенным колпачком — мечом, а клавиатуру — щитом? Картина вырисовывалась презабавная.

Лифт бесшумно скользил мимо офисов, и Уля мысленно их считала. От одного до другого — не больше двух секунд. Если без остановок, на всю дорогу уходит не больше полуминуты. Хотя ездить в этом здании без остановок чуду подобно: здесь все куда-то спешат, притопывают нетерпеливо у створок, сжимая в руках разноцветные кружки. Обычно кофемашиной на первом этаже не пользовался никто, кроме гостей, случайных и приглашенных. Поэтому, когда прошлой осенью Уля спустилась и увидела у автомата очередь, то по-настоящему расстроилась. Как в детстве, когда бежишь из школы домой, вверх, вверх, вверх по ступеням до восьмого этажа, потому что лифт опять не работает, скидываешь портфель и ботинки одним точным движением, оставляешь куртку на стуле, включаешь телевизор, а там вместо мультиков — экстренный выпуск новостей. Или вообще телепрограмму снова изменили, или

подписали договор с каким-то другим каналом и к расписанию придется привыкать заново — подстраивать под него и скорость возвращения из школы, и вечерние прогулки.

С кофемашиной оказалось попроще: в тот день она была единственной, где не закончились сухие сливки. Уля могла и потерпеть. Сделать вид, что пришла туда по той же причине, а не потому что привыкла к этому маршруту. Хотя ее, конечно, никто и не спросил. Просто Уля любила придумывать оправдания. Никогда не знаешь, когда они тебе пригодятся. Уле пригодились всего пару раз, и у нее горели уши, когда она выпаливала заготовленную ложь, но ее не уличали во вранье. А она еще несколько часов после такого приключения не могла нормально дышать.

Уля опустила взгляд в пустую кружку и вздохнула еще раз. Похоже, сегодня офисные боги решили наградить ее. Явно не за следование дедлайнам, но дареному коню в зубы не смотрят. Даже если этот конь подозрительно походит на лифт.

Он не шумел, но немного дрожал, словно вез нового, непривычного седока. Уля рассмеялась про себя — вот тебе и дополнение к рыцарскому образу! Вслух не стала, вдруг двери все-таки откроются, и тогда у кого-нибудь из бухгалтерии появится новый повод для сплетен. Аналогия получилась знатная. Уля даже вытянула руку, приложила ладонь к металлической стенке и легонько по ней похлопала — мол, не бойся, мы с тобой на одной стороне. Или лучше «Мы с тобой одной крови, ты и я». Хотя в Уле все-таки было поменьше проводов и побольше нервов. Иногда даже слишком много последних. И починить их, в отличие от механизмов, было не так-то просто.

Металл оказался прохладнее, чем Уля думала. Словно за ним простиралась не шахта, а бесконечность космоса. Уля покачала головой и убрала руку. Кажется, в детстве она читала сказку про лифт, который следовал в космос. Кто это был? Джанни Родари? Или все-таки нет? Очень в его стиле. «Ночью все кошки серы». «Светофор решил показать голубой свет, потому что дорога в небо открыта». «Лифт поднялся в космос». Отличная получилась бы обзорная площадка для наблюдения за последними днями Земли. Хотя про такое Родари точно не писал.

Уля скосила взгляд на сияющую панель с кнопками. В доме, где она провела детство, не проходило ни дня, чтобы над бедными кнопками не надругались. И ладно простые надписи маркером, матерные и не очень: пластиковые кнопки жгли, вырывали или вдавливали с такой силой, что они навсегда вращались в панель и переставали двигаться. (Где-то здесь притаилась еще одна метафора Улиной жизни, но она решила на этом не заикливаться.) Тут же кнопки были как на подбор, металлические и с крупными цифрами — от нуля (парковки и склада) до пятнадцати. Офис Ули, конечно, находился на тринадцатом этаже. Владелец был не настолько суеверным, чтобы просто пропустить это число, но работали там только люди, так сказать, непроверенные. Или те, кто надолго здесь не задерживался. Сама Уля уже вышла из последней категории, но застряла в первой. Так и оставалась заложницей тринадцатого этажа. Не то чтобы ей не нравилось это число. Оно казалось даже успокаивающим, добавляло некой определенности: например, в пятницу тринадцатого всегда было чем заняться, потому что телеканалы

чтили традиции и по вечерам гоняли отборные ужастики категории Б. Вечера обычных пятниц Уля тоже частенько проводила перед телевизором, но ужастики были вишенкой на торте. Ведь в них даже неизвестность подчинялась законам — не то что в реальной жизни.

Маленький экранчик, где обычно отображались электронные цифры, оставался темным. Уля сдвинула брови, чуть наклонилась вбок и постучала по этому участку панели пальцем. Не то чтобы это могло помочь, но ведь какой-то шанс был? Эта странная привычка передалась ей от родителей, а им — от их родителей. Постучи по технике — может, что и изменится. А если сделаешь хуже, что ж ... зато будешь уверен в том, что теперь точно стоит раскошелиться на мастера.

Экранчик не среагировал: лишь где-то в глубине его еле теплилась алая стрелочка, указывающая вниз. Уля нажала на единицу — кнопка не загорелась. Она чуть подождала и сделала это еще раз, для верности.

Странно.

Может, не так странно, учитывая, в каких условиях строили квартал ... но лифты в новые здания поставляли с лучшего завода в стране, из города-побратима. Некоторым достаются южные соседи, знаменитые винодельнями, а городу Ули достался побратим с отличным производством лифтов. Хотя даже на лучшем заводе страны все могло быть как везде. И сломавшаяся панель — это так, мелочи.

Все же стоило сообщить об этом кому-нибудь из техников. Уля редко заглядывала к ним на второй этаж, где в коридорах до сих пор лежал строительный мусор, а одна

из стен щеголяла голыми кирпичами, но ей там нравилось. Техникам тоже. Их уголок меньше всего походил на современный офис, и в этом было какое-то очарование. Раньше по соседству еще находилась временная столовая: в той, что на третьем этаже, шел ремонт. Как и все ремонты, он казался почти вечным, потому, когда столовую таки открыли, все очень удивились. С временной столовой прощались, как с кораблем викингов: с тоской в сердце. Хотя не подожгли, и на том спасибо.

Уля снова вытянулась по струнке и подняла голову. В иных лифтах хоть музыка играла, но этот был бесшумным во всем. Может, дешевый лифтовый джаз не устраивал местных. Да и непатриотично как-то.

По ощущениям, двери должны были щелкнуть и разъехаться через пару секунд, и Уля взяла низкий старт. Кофе хотелось нестерпимо: она проснулась слишком рано, и дорога в офис не смогла разбудить ее до конца, хотя по улицам уже гулял прохладный осенний ветер, и люди не знали, доставать ли шапки и менять ли туфли на сапоги или все-таки пока рановато. В межсезонье очень легко было встретить в одном проулке людей и в футболках, и в пальто. Уля завидовала и тем и другим: сама она вечно не могла определиться и потому то мерзла в легкой одежде, то жарилась в куртке, которую таскать в руках было тоже не особо удобно.

Пара секунд прошла. Кабина не притормозила. Уля решила, что кофе ей все-таки нужен гораздо больше, чем она думала. Ее внутренние часы редко сбились.

Она шумно выдохнула в третий раз, и поток воздуха поднял часть ее волос. Уля заправила их за ухо и зевнула.

Замечательно. Просто замечательно. Сегодня, похоже, один из таких дней, в которые Уля могла бы заснуть на рабочем месте. Такого не случилось еще ни разу, но ведь надо же с чего-то начинать? Уля точно знала, что один из сисадминов держит в офисе подушку и действительно там спит, обычно ближе к концу рабочего дня: вешает на дверь табличку с какой-нибудь ересью о техническом перерыве или чистке серверов и заваливается в соседнюю секцию, где не работает лампочка и одиноко стоит пустой системник. Уля никогда не думала, что будет ему завидовать. Он ведь работал с программой, которую даже монстром Франкенштейна сложно назвать: у того хоть было сознание и желание учиться. А эта программа могла только бессвязно мычать и просить, чтобы ее поскорее пристрелили. В зарубежных фильмах такие преступления против природы обычно охотились на людей. Хотя и в реальности происходило примерно то же самое.

Уля досчитала до пяти. Потом до десяти. Последнее помогало не только с гневом или волнением: было что-то неуловимо магическое в сменяющих друг друга цифрах. Почти как в пятнице тринадцатого. А может, стоило делать отсчет, как при старте космического корабля? Уля, конечно, была не в книжке Родари, да и лифт ехал вниз, но это ведь тоже символично.

Пятнадцать, четырнадцать, тринадцать...

Интересно, кто придумал назвать это число чертовой дюжиной?

Уля по привычке полезла в карман за телефоном. Пальцы сомкнулись на пустоте. Неужели оставила на рабочем

столе? Она понадеялась, что никто из коллег в него не полезет. С них станется. А она, как назло, так и не установила нормальный пароль. Думала, зачем столько сложностей.

Восемь, семь, шесть...

Некстати вспомнилось «Фредди хочет всех вас съесть». Старая считалочка из ужастика. Вернее, старый перевод считалочки из ужастика, потому что Фредди Крюгер, конечно, никого не ел. Только мучил. И знатно при этом веселился.

Два, один.

Двери оставались закрытыми.

Уля почувствовала, как внутри начинает подниматься паника. К ней примешивалось что-то подозрительно похожее на стыд, и это пугало еще сильнее. Как будто страх — это что-то недостойное, а не то почти волшебное свойство мозга, которое позволяло Улиным предкам выживать холодными первобытными ночами. Конечно, в самом чувстве страха приятного мало, но ругать себя за него — последнее дело. И все же лучше было сохранять спокойствие. Как советовали британские плакаты времен Второй мировой войны. Хотя когда по городу разносится вой сирен, спокойствие — последнее, на что ты способен.

Уля сделала глубокий вдох и так же, с чувством, выдохнула через нос. И еще раз. И еще. Казалось, лифт по-прежнему движется, но, может, это было фантомное ощущение? Как когда сошел с лодки, но земля под ногами продолжает качаться в такт волнам. Наверняка у этого явления даже есть название, и Уле как журналистке стоило бы его знать. Но она вспомнила только о фантомных ко-

нечностях. Люди теряют руки и ноги, но продолжают их чувствовать, потому что так устроен мозг. Это не совсем то.

Скорее всего, Уля просто не заметила, как застряла. Да, именно так. В этих новых зданиях все было слишком комфортным — даже чрезвычайные ситуации.

Уле как-то раз не посчастливилось застрять в домашнем лифте. Ей было лет одиннадцать, она возвращалась из школы, и кабину дернуло так, что Уля чуть не упала прямо в грязный угол. Свет немного померк, а лифтерша не отвечала, и Уля сделала единственное, что только могла сделать в той ситуации: достала учебник по биологии, села на портфель и принялась за домашнюю работу. Через полчаса лифтерша отозвалась, а еще через десять минут лифт донес Улю до восьмого этажа. После того случая она почти полгода ходила по лестнице.

Застрять в офисном лифте оказалось, конечно, поприятнее: здесь все углы были чистыми, и никаких учебников под боком. Правда, дедлайн неприятно покалывал совесть, но Уля сосредоточилась на спасительной панели: тут связаться с техниками наверняка удастся проще, чем с лифтершей в детстве. Уля нажала на кнопку переговорника — та не загорелась, но под ее пальцами что-то щелкнуло. Она посчитала это хорошим знаком.

— Алло? — проговорила Уля, придвинувшись к панели.

Тут же чуть не хлопнула себя по лбу, но в последний момент вспомнила, что во второй руке держит несчастную кружку. Она ведь не по телефону разговаривает.

— Здрасте, — Уля решила применить другой подход. — Слышит меня кто-нибудь?

Тишина.

Уля держала палец на кнопке. Может, в этом проблема? Она отдернула его, задев кончиком металлический край. Пребольно.

Ойкнула и принялась ждать.

Снова тишина.

Она зажала кнопку.

— Прием? Есть там кто?

Уля попыталась вспомнить хотя бы одно имя. Техники рассекали по этажам в синей рабочей форме, и обычно их было легко узнать. Сергей? Кажется, был такой, с сидящими волосами до плеч, которые он стягивал в тугий хвостик, и тут же становился похожим на барсука. Уля чуть было не произнесла в переговорник именно это — «уважаемый Барсук». Словно пыталась связаться с персонажем детской книжки.

— Сергей?.. — Уля покопалась в памяти и чуть менее уверенно произнесла: — Сергей Михайлович?

Ничего.

— Ау! — выпалила Уля и хихикнула.

А вот это был плохой знак. Смех без причины — признак дурачины, как любила повторять бабушка. А смех в такой ситуации обычно означал, что еще немного, и Улю накроет паника. Ненадолго, но кому такое понравится?

Уля оторвала палец от панельки с кнопками и прижала кружку к груди. Зажмурилась и принялась дышать так, как ее однажды научили в детстве. Так давно, словно это было в позапрошлой жизни, залитой каким-то теплым светом, в котором постоянно кружилась пыль.

Уле было сколько... двенадцать? Четырнадцать? Ее уже отпускали одну не только через ближайшую дорогу,

но и еще дальше, через парк и сквер с военной стелой, ниже, ниже, к рынку, железной дороге и почти к самому лесу. Именно туда переехала ее тогдашний репетитор по иностранному языку: Уля как-то целый год занималась французским, а потом учительница уехала в другой город, и занятия так и не возобновились. Не то чтобы Уля была против: лучше после школы заниматься своими делами, во дворе побегать или хотя бы попялиться в телевизор, а не мчаться через полгорода, чтобы поучиться еще. Как будто школы ей мало.

Значит, двенадцать. Она еще не поняла, что не стоит выказывать недовольство дополнительными занятиями каждый божий день, но радовалась возможности побродить по городу. Репетитор жила далеко, и каждый поход превращался в настоящее приключение — особенно если на обратном пути на накопленные деньги купить пакетик фишек, в которые тогда играли всем двором и всей школой. Или макулатуры с популярными актерами: у Ули, в отличие от одноклассников, плакатов дома было не так уж много. А хотелось бы побольше — на случай прихода друзей. В общем, репетитор и научила ее дыхательному упражнению для успокоения: два коротких выдоха, глубокий вдох и такой же глубокий выдох. Уля как-то раз скатилась в ее доме с лакированной деревянной лестницы, поскользнувшись в колготках. Тогда все и случилось.

Выдох, выдох, вдо-о-о-ох. Вы-ы-ыдох.

Уля открыла глаза. Повторила серию выдохов-вдохов еще пару раз. Заглянула зачем-то в кружку, но кофе там никаким магическим образом не появился.

Она еще раз придвинулась к панели: цифры не горели. Подошла к дверям и аккуратно приложила к ним ухо — а то вдруг откроются, и она тут же в кого-то врежется! Лифт почти не издавал звуков, но продолжал спускаться. Куда?

Уля вздохнула и встала посреди кабины. Задрала голову, посмотрела на свое отражение в потолочном зеркале. Зеркальная Уля выглядела так, как здешняя Уля себя и ощущала: уставшей и сбитой с толку. Присутствие зеркальной Ули успокаивало.

Уля опустила взгляд, расправила плечи и четко произнесла:

— Это, знаете ли, не смешно.

Шутники, конечно, никак не отреагировали. Так оно обычно и бывает, потому Уля продолжила:

— Ладно, может, самую малость все-таки смешно, и на вашем месте я бы еще немного меня помучила, но... правда? Вот так вот? Почему меня? Что я сделала? Или...

Она прищурилась, словно невидимый собеседник мог ее увидеть. Может, и правда мог, иначе какой смысл в шутке?

— ...или вы меня с кем-то спутали? Признавайтесь, ожидали кого-то другого тут поймать, а?

Уля засмеялась, но тут же замолчала, потеревшая в руках кружку и снова подняла взгляд. Она почему-то смотрела на двери, хотя стоило, наверное, искать глазами камеру.

— Нет, ребят, ну правда...

Уля подошла к дверям и пожалела, что между створками совершенно нет зазора. В старом домашнем лифте можно было увидеть желтый свет на кирпичных шахтах и облупив-

шуюся краску на дверях каждого этажа. Тут же не было ничего.

Уля стукнула по двери рукой — так сильно, что отбила косяшки, и сама же зажмурилась от неожиданности. Она ведь ничего такого делать не собиралась, хотела сохранить спокойствие и дождаться определенности. Разобраться во всем, как детективы в викторианских романах. Ну или хотя бы как в бумажных нетленках, продающихся в каждом ларьке с надписью «Пресса» неподалеку от местных газет и журналов, в которых иногда мелькали слова самой Ули.

Лифт продолжал спускаться. Уля удивленно посмотрела на предательскую руку, вздумавшую действовать без ее указки. А потом на вторую, которая, кажется, хотела последовать за первой, но все еще сжимала кружку. Последствия были бы катастрофическими.

Уля прикрыла глаза и снова задышала двумя короткими и двумя длинными. Интересно, что это означало в азбуке Морзе?

Электрический свет резанул по глазам, и Уля тихонько подошла к двери. Лифт двигался. Или что-то за ним, если это был не лифт.

Когда там Уля вышла из кабинета? В районе двенадцати? В одиннадцать сорок с чем-то? Она впервые пожалела, что перестала носить наручные часы. Конечно, с телефоном они были бы без надобности — по крайней мере, какое-то время. Но сейчас Уля не отказалась бы от старых фиолетовых часиков — прямоугольных, с прорезиненным ремешком, который постоянно грозился оторваться и мучил ее в жару. Она носила их в старшей школе, но даже тогда долго привыкала к отсутствию цифр. Безусловно,

прямоугольники — красивое дизайнерское решение для прямоугольных же часов, но абсолютно неудобное, когда ты упорно путаешься в циферблате. У Ули бывали трудности даже с обычным, красовавшимся на любых пластиковых часах над доской, и она дико этого стыдилась. Одноклассники и так знали о том, что она путает право и лево. Уля твердо помнила отличия, но ноги все равно несли ее не туда, куда нужно, а туда, куда им хотелось. Детский смех и детские обиды остаются с нами надолго. Даже если мы вырастаем и понимаем, что те, кто смеялся, этого даже уже и не вспомнят.

Уля прищурилась: в висках начинала подниматься боль, которую так охотно сравнивали с ввинчивающейся в стену дрелью. Только мигрени ей не хватало. Особенно в таком ярко освещенном месте. Сколько прошло с тех пор, как двери закрылись и лифт тронулся? Минут десять?

Уля оперлась рукой на одну из металлических стенок и снова сделала пару глубоких вдохов.

Цифры на панели все еще не горели. Лифт продолжал спускаться. Уля потихоньку закипала — и одновременно опустошалась. Как чайник на газе, который вот-вот засвистит и вытолкнет из себя струю горячего пара.

Если она устроит истерику, никому лучше не станет. Может, станет даже хуже, потому что она наверняка что-нибудь сломает, раздерет или ударит так, что либо Уля, либо сам лифт пострадают сверх меры. Может, станет хотя бы полегче на душе, но вероятность этого тоже призрачная. Почти фантомная. С другой стороны, «никому лучше не станет» — это такой способ сказать, что поступки Ули усложнят жизнь кому угодно, кроме нее самой. Мама го-

ворила это так часто, что Уля поверила и стала повторять это другим. Так, может, все-таки позволить пару выйти? Без закипевшего чайника кофе не заварить.

Уля сжала гладкие бока кружки и представила, как кидает ее в стену. В воображении кружка разбивалась на несколько осколков, один из которых отлетал напрямиком Уле в глаз, словно бы в отместку, а еще один запускал какой-то аварийный механизм. Лифт останавливался, двери открывались. Но поздно, поздно...

Уля помотала головой и открыла глаза. Кружка все еще была у нее в руках, а на панели не было никакого особого аварийного механизма. Только кнопки — для вызова диспетчера и для открывания дверей. Последняя вряд ли бы ей помогла. Хотя...

Уля нажала на несчастную кнопку и затаила дыхание. Даже голову подняла, словно ожидая, что сейчас кабину затрясет, свет погаснет, двери откроются, и оттуда...

Лифт продолжал спускаться. И стоило бы уже переключить на кухонном телевизоре канал, что круглыми сутками гоняет ужастики и те сериалы, которые отлично смотреть фоном, под домашние дела. Потому что в Улиной голове теперь роились только худшие сценарии развития событий. Самые темные, из фильмов, производство которых окупается на раз-два, даже если в бюджете было несколько тысяч и ящик пива.

Стоило, пожалуй, залепить пощечину самой себе, чтобы не думать о дурацких вещах. Сохраняй спокойствие, Уля. И позвони диспетчеру чуть попозже. Он ответит.